

Абай
А 133

АБАЙ

ЛИРИКА

А Б А Й

1981

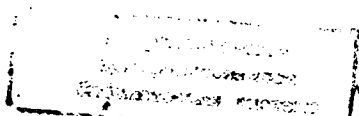
ЛИРИКА

ч/з

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»

Алма-Ата — 1980

84 Каз 2
А 13

00663

Абай

А-13 Лирика.— Алма-Ата: Жалын, 1980
88 с.

В это сувенирное издание вошли лирические стихотворения Абая в переводах известных советских поэтов.

К

А $\frac{70403-99}{408(05)80}$ 245-79-4702230200

© Издательство «Жалын», 1980

Пока не знаешь — молчи.
Пока блуждаешь — молчи.
В бесцельных днях и в ночи
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство —
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброта,
Упорство, скромность и труд —
Вот пять друзей, согласись.
Увидев зло — отвернись,
К беде пороки ведут.
Добро увидев — о нем
Ты помни ночью и днем.
Коль с детства книги читать —
Ученым сможешь ты стать.
Не унывай, малонер!

Бери с великих пример.
Не говори: «Я не тот!»
Учись, и знание придет.
Никто не сможет помочь,
Коль ты, чуть вспыхнув, погас.
Учись не день и не час,
И будешь знанием богат,
А знание — истинный клад.
За мудрым следуй смелей.
Не слушай вздорных людей.
Что аксакал или бай
Расскажут — сам осознай.
Словам впустую не верь,
Их суть продумай, измерь.
Срами нещадно глупца.
За правду стой до конца.
Пусть пошлость нагло груба —
Тем легче с нею борьба.
Будь скромн, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем с тобой
Не думай: «Кто он такой?»,
А думай: «Что говорит?»
Мы помним славных певцов,
И мудрецов, и вождей
Лишь по одним именам —
Их жизнь неведома нам.
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знания и ум.
Что чуждо их глубине,
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сбeречь.
На мудреца — сто глупцов —
Вот горькой истины речь.

Запомни, юный мой друг,
В речах, звучащих вокруг,
Правдивых слов не найдешь,
Для робких правда страшна,
Им в правде видится ложь.
Душа невежды мертва.
Пусты без мысли слова.
И сам учись и учи.
Лишь знаньем жив человек.
Лишь знаньем движется век.
Лишь знанье — светоч сердец.
Лишенный учеников
Учитель — горький вдовец.
Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих,—
Так мудрецы говорят.
Пойми совет их простой.
Да будет праведен путь
Твоей души молодой!

1886

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав твой тяжкий стон?

Всем рожденье и кончина суждены,
Дней минувших не вернуть из тишины,
Радость где-то остается позади,
Все проходит, все деянья непрочны.

Будь разумен, укрепляй свой дух в борьбе,
Лишь бездарный покоряется судьбе,
Лишь ленивец потрафляет большинству,
Скуден мыслью, неуверен сам в себе.

Людам низким не по нраву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость расплатиться срок придет:
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
Не позор ли по аулам день-деньской
Время в шутках да кривлянье коротать?

Чужд невежде разум ясный, он скорей
Верит бредням, мыслью брезгует моей;
Разве каждый может правду оценить,
Небылице верит глупый — только ей.

Бредит дурень о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращеньем он относится к словам
Аксакала, что осведомлен во всем.

Мудрый зорко проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа шлет ему любви слова,
Ближних сгубит и оплачет, а едва
Свет удачи озарит кого-нибудь,
Воскликает: «Вот любимец божества!»

Тяжким бедам всенародным рад шайтан,
Ангел изгнан, ангел скорбью обуян,
Твердо знаю — не покается подлец,
Перейдет он к сатане в победный стан.

Властелина корчит нагло плут любой,
Рать вербует втихомолку, с хитрецей,
Но не будет подлый первым средь людей,
Он себя же гонит к яме роковой.

Ведь не всякий путь указывать рожден.
Тот, кто честен и правдив, блюдет закон.
Волостным все норовит безмозглый стать —
Будет всеми, как собака, проклят он.

Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг и друг.
Средь близких и дальних почти не найти,
Кто б не был причиною горестных мук.

Один — из-за выгод приятель тебе.
Споткнешься — покинет в неверной судьбе.
Не скажет тогда: «Я такой же, как он». —
И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот — низкий стяжатель, тот — взяточник, вор.
Для них твои цели и помыслы — вздор.
Пустые лукавцы, рабы суеты.
На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи,
В тревоге, насупясь, сидят, как сычи.
Там стадо угнали, ограбили тут —
Ведь грабят кругом и воруют в ночи.

Торговлей не могут заняться купцы —
Бедняги не сводят с концами концы:
Поверишь на слово — не взыщешь потом,
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон.
К злодеям, к ворам снисходителен он —
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
Не внемлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе изменяют в твоём же дому.

На честного тысячи плутов кругом —
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят,
О дружбе, о пользе нет мысли ни в ком.

Где солнце смеялось земле и цветам —
Осенний слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима.
Раздолье — мерзавцам, разор — беднякам

К заслугам, к легам — уважения нет.
Стижатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет.

1886

ЛЕТО

Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Вволю насытившись, кобылицы
Не в силах, кажется, пошевелиться:
Тихо стоят они у реки,
Хвостами мух отгоняя лениво.
Лишь весело скачут, резвы на диво,
Жеребята и стригунки.
Гусей и уток крикливых стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криками оглашая
Степной простор далеко вокруг,
Женщины юрты ставят ловко.
Видны уверенность и сноровка
В плавных движениях белых рук.
Бай, объехав свои отары,
Довольный скотом и самим собой,
На статном коне трусит домой
К закипающему самовару.
Хозяйка льет из сабы кумыс.
Уже домочадцы в кружок сошлись,
А мальчик, посланный батраками,
Вертится рядом, лапая к маме,
Просит жалобно: «Мяса дай!»
В тени навеса готовят чай.
И в ожидании горячего чая.
На кошмах важно усевшись, бай
Ведут беседу между собой.
Пока один, не в меру болтливый,

Трещит не смолкая, другие учтиво
Кивают рассказчику головой.
Старец дряхлый в белой рубашке
Кричит чабанам: «Отгоните скот!»
Мечтает бедняга, что бай позовет
И угостит кумысом и барашком.
Табунщики на лошадях лихих,
В чапанах, поясом стянутых туго,
К аулу спешат, обгоняя друг друга,—
Усталыми кажутся лица их.
А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.
Если выпущенный из рук
Стремительно беркут ввысь взовьется
И крупного селезня схватит вдруг...
Что было — прошло, и уже не вернется
К бедняге, дряхлому старику.
Он сделал все на своем веку
И, празднично стоя на берегу,
В угоду юношам громко смеется.

1886

Джигиты, дорог смех, не шутовство,
Несходны внешний вид и естество.
Но если кто-то от души смеется,
То искренности верь, люби его.

Один пропустит все мимо ушей,
Другой проникнет в смысл твоих речей.
Есть и такой, кто понимает слово,
Но истолкует к выгоде своей.

Уж если любишь ты, так всей душой!
Сгори в огне, но на своем ты стой!
А розовые юноши лияют,
Как только прикоснешься к ним водой.

К порывам юные сердца зову.
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив и бессердечен,
Тот мелкий человек по существу.

Так будь отзывчивым, как друг и брат,
И поделись со всеми, чем богат.
Да будет дружба искренней и честной —
И все дурные чувства замолчат!

Я собирающимся дам совет
Не портить пререкательством бесед.
Друг к другу проявите уваженье,
Которого у нас обычно нет.

Единодушие — отрада нам,
Неведомая неучам, глупцам,
Достойный человек не выдаст тайны
И клеветы не пустит по следам.

Твой пыл советую тебе сдержать,
На бабнике — бесчестия печать.
Джингит разборчив — не кобель, какому
Любач сука с улицы под стать.

Не увлекайся внешней красою,
Не поддавайся страстности следей.
Не обольщайся женщиной красивой —
Уши, характер у нее какой.

Мгновению гаснет пламя страстных нег
У тех, кто в смене жен проводит век.
Кому лицо подруги верной скучно,
Тот просто недостойный человек.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биенью сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

Онищность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять передо мною?» —
Так чистая красавица твердит.

Хвала тому, кто действует, кто смел,
Кто гордым сердце пронести сумел!
А от неряхи, бабника, тупицы
Жди телько сплетен и позорных дел.

Коль ты любим женой и любишь сам,
То это невдомек одним глупцам.
Где умный муж с женою благонравной,
Счастливую семью мы видим там.

Когда не легкомысленна жена,
Не даст злословью повода она.
Свежа, гибка, подобно стеблю розы,—
В ее дыханье счастье и весна.

К богатству байской дочки не тянись,
Калымом малым бедной — не прельстись.
Но, если это дочь людей хороших,
Не будь глупцом, не упускай — женись!

Когда сидишь ты с другом у стола,
Пускай жена не морщится со зла.
Пусть уважение проявит к другу,
Лицом светла и сердцем весела.

Разборчивее выбирай друзей,
Отбрось развязных шутников скорей.
Но к разуму и красоте стремленье,
К познанию рвенье оценить сумей.

Работать не желает молодежь:
И без труда, мол, тоже проживешь!
И смех ее дешевый — зубоскальство.
Ей свойственны одна корысть и ложь.

Плутуют молодые пошляки,
Им низкое торгашество с руки,
Повсюду склоки, драки и скандалы,
Друг друга предают за пустяки.

Лишь малыши дружны между собой
И, ласковые, тешатся игрой.
Но все-таки в конце игры повздорят,
И тут начнется потасовка, бой.

Когда в слезах придет домой малец,
Мать раскричится и бранит отец.
Сходна и жизнь с такой игрой и дружбой.
Когда же этому придет конец!

Среди друзей случается такой,
Что тайно роет яму за спиной.
Верь лишь тому, в ком есть и честь, и совесть,
Не мелочен лишь человек большой.

Пока у многих узкий кругозор,
И слово клеветы — орудье ссор.
Считают предприимчивым сутягу,
Который измышляет всякий вздор.

1886

— i

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу,—
Такая песня миру не нужна.
Невежды голос люб дурному слуху:

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Кто-да б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры,—
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу—
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.

Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теша встречных лестью.
На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упряму верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой.
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку: «Бей,— кричит,— врага!»
Авось он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи,
Не ищут знания — лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да сл!

1887

ОСЕНЬ

ни серые, хмурые, дождь недалек.
Тонкую голую землю гудан заволок.
Тепло от сытости, то ль чтоб согреться, резвясь,
Вихорюк догоняет в степи стригунок.

Скравы, ни тюльпанов. И всюду затих
Спокойный гомон детей, смех парней молодых.
Скравья, как нищие старцы, стоят
С опеченными, листьев лишившись своих.

Ложу бычью, овечью в кадушках дубят.
Вешают шубы и стеганный старый халат.
Воздухи латают дырявые юрты,
Воздухи неделями питки сучат.

Ветром потянулись на юг журавли.
Кочевья верблюдов под ними прошли,
В улах — уныние и тишина.
Счастливое, веселые игры остались вдали.

От ветры, становится все холодней,
Жа мучает и стариков и детей.
И голодные ловят мышей полевых,
Найди, как бывало, объедков, костей.

Вздув пыль поднимает — над степью черно.
Темно, сыро. Но так уже заведено, —
Такой обычай! — нельзя разжигать очага.
В юртах теперь уютно, темно.

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой
Враг всему, что живет, с омраченным челом
Он, скрипучий, шагает зимой снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою тряхнет — скучный снег повалит.
Злится он, словно бещеный старый верблюд
И тогда шестистворная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В армяке, полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк — приспешник
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот

Угоняйте на новое место табун,
Не поспав, не умрешь, надо быть посмелей
Все же лучше, чем волк Кондыбай и Кона
Деду мы не дадим пировать средь степей.

1888

¹ Соседние аулы, с которыми соперни-
Абая — тобыкты.

Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.

Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.

Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший — в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.

И отважна и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалека,
Дух с трудом переводя.

Места не было словам.
Помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.

1888

Нет жизни у меня в груди...
Я все твержу одно и то же:
«Не верь друзьям, измены жди...»
За что мне это все, о боже!
Есть люди: дома, как поток
Неугомонный, он грохочет.
Когда же речь сказать захочет,
Он вял — язык ему не впрок.

Когда пасется конь три дня,
Он распускает хвост и гриву.
Батыр, ты дома у огня
Всегда ли был такой ретивый?
Ты льстишь и малым, и большим.
Когда тебе порою туго.
А только вырвался из круга —
Заносчив и недостижим.

Умешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.
Из-под наездника чепрак
Ты стащишь, вороват и ловок.
Когда же тяжбу заведешь,
Идешь обходными путями.
Но, для другого вырыв яму,
Сам в эту яму попадешь.

Не хлопай сильно дверью той,
В какую (всяко может статься!)
Еще придется постучаться
В час неожиданно крутой.

1889

Да будет слово мудреца
Превыше болтовни глупца.
Чтоб светоч истины узреть —
Должны быть зрячими сердца!

Для тех, кто чист, чей светел ум,
Живая речь — не просто шум,
Они, исполненные дум,
Постигнут правду до конца.

Пуста невежды голова,
Хотя, как тыква, здорова.
Скучает пустослов, едва
Заслышит мудрого певца.

Ему мила лишь болтовня,
Он пристаёт к тебе три дня,
Но петь начни — чело склоня,
Глядит тупее, чем овца.

Он ищет, как дитя, утех,
Он развлечения ждет от всех
Ему бы игры все да смех —
В нем за версту видать глупца.

Он книги в руки не берет,
Но образованным слышет.
Высмеивать простой народ —
Вот вся заслуга наглеца.

Ты спел тому, в ком есть душа;
Он скажет — песня хороша!

И слушает, едва дыша,
Не спутав с золотом свинца.

Глупцы же смотрят, сторонясь:
Им только б сплетни, хитрость, грязь
Им все равно что — бархат, бязь...
Ослу подай лишь клок сенца!

1889

ВОСЬМИСТИШИЯ

И дади зовет,
От души идет,
 Заставляет нас трепетать;
Он всего острей,
Он всего быстрей,
 Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Нет, игле стальной
Никакой ценой
 Не поспеть за узорами слов!
Сможет жемчуг-нить
Умный оценить,
 А дешевка — радость гупцов.
Помолчите, слова, сейчас,
Тугоухий не слышит вас!

У невежды есть —
Чванство, глупость, лесть
 Да веселье беспечных дней.
Он всегда с толпой,
Так и льнет к тупой,
 Так и следует всюду за ней.
Если мысль слепа или мысли нет,
При себе ты оставь свой бред!

Вся душа в огне,
Холод по спине,
 Лишь увидишь гупцов, их ложь.
Трижды умным будь,
Укажуй им путь —
 Похвалы у них не найдешь.

Но бесстыдству верны и тут.
Не дослушав, они заснут.

Им бы козни вершить,
Им бы сплетнями жить,
 Пустозвон заодно с хитрецом.
Что благой совет!
В нем и смысла нет:
 Сын не хочет ладить с отцом.
Пусть без усталы мелют уста —
В голове одна пустота.

К счастью не придешь,
Измышляя ложь.
 Сплетни — промысел пустомель.
Чванство, хвастовство,
Пьянство, мотовство —
 Вот их жизни беспугной цель.
Мысли ищущей глубина
Никому из них не нужна.

Ты сердечным будь,
Человеком будь
 И трудись, не жалея сил.
Сплетни, болтовня,
Глупая брехня...
 Ты такой сам себе посыл.
Коль упорны твои труды,
Попрошайкой не будешь ты.

Ты пахать умей,
Торговать умей
 И достаток дома блюди.
Будь, жена, верна,
Муж, трудись сполна,

И тогда — успех впереди.
Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вокруг.

Защищи свой скот,
Избегай забот,
 Не давай себя унижать.
Сгинь, насилья ночь!
Властолюбье, прочь!
 Да не смогут подняться опять!
Пусть проснутся совесть и честь.
Знай, в словах этих правда есть!

Коль ты слишком сыт,
Труд тобой забыт,—
 Развращен такой человек.
Споря о пустом,
Другу став врагом,
 Ты в ничтожестве кончишь век...
Клеветал ты, лгал, доносил.
А раскаяться хватит сил?

Кто учил тебя
Жить, разбой любя,
 Кто твоим советчиком был?
Но придет имярек,
Честный человек,
 Он остудит преступный пыл.
Заблужденья твои — как знать?—
Палачом твоим могут стать.

Нет, не плоть, а дух,
Как в огне, мой друг,
 Голова моя тяжела.
На щеке слеза,

Горе жжет глаза,
И на душу тяжесть легла.
Где разврат, разгул и разбой,
Там беда берет власть над тобой.

Жизнь моя коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.
Улетают дни —
Не вернуться они,
Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито, — не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.

Вижу: чести сын —
На сто сот один,
А правдивых ни одного.
Молодость ушла,
Голова бела,
В суете не познал ничего.
Зря потел средь клевет и зол,
В унижении жизнь провел.

Краснобай и лжец
И всезнайка-льстец,
От тщеславья все их труды.
Эти любят лезть,
Любят кверху лезть,
Униженьем народа горды.
Проклянут тебя и — пропал,
Позовут — в небеса попал.

Пусть народ пуглив,
Ну, а ты чем жив,
Ты, пугавший родной народ?

Жаждой славы томим,
Ты следишь за ним —
 Что он делает, как живет.
Коль блудливая баба хитрит,
Жалок муж, что ее сторожит.

Что успеть ты смог,
Если сам одинок
 И шагаешь, растерян, с трудом
Те, с кем дружен теперь,
Кому нужен, верь,
 От тебя отвернутся потом.
Чужеродный вор и хитрец
Одолеют тебя вконец.

Вся в крови голова,
Приподнялся едва,
 А угодничать снова спешишь.
Истомлен до костей,
Перед силой властей
 Ты опять, как всегда, лебезишь.
Где же совесть твоя — дай ответ.
В жизни этакой пользы нет.

Лишь собака брехнет,
Мальчик палкой взмахнет
 И погонится тут же за ней.
Люди хором стыдят,
На мальчишку кричат:
 «Перестань! Собаку не бей!»
Устыдился. То же с тобой
И с постыдной твоей судьбой.

Кто пытлив — смелей
Мир познать сумей,

Было б только желанье познать.
А невежда слепой
Занят только собой,
Лишь поесть бы ему да поспать.
И не тот, и не этот я,
Все ж судьба незавидна моя.

Я знаний искал —
От скитаний устал,
Я глядел и туда и сюда.
Но и там и тут
Ложь и лень цветут,
Ведь невежды боятся труда.
Если хочешь погибнуть скорей,
Стань на палубы двух кораблей.

Я с утеса кричал,
Мне простор отвечал —
Отвечали и горы, и дол.
Но, услышав звук,
Я искал вокруг:
Как, откуда тот звук пришел?
Был все тот же утес подо мной —
Отклик есть, но отклик пустой.

Всадник вдаль поскакал,
Пешеход отстал.
Кто признает тебя, кто поймет?
Боль в груди сильна,
И слеза солона,
Пламя жаркое сушит рот,
Если весь я горю в огне.
Не рыдать не под силу мне.

Камнем мягкий пух
Обернулся вдруг:

Так жестка постель — не уснуть.
Но галдит голпа,
Весела, слепа...
 Что б подумать — в чем жизни суть!
Хитрость, ложь осаждают нас
В трудный час, испытанья час.

Велика семья,
Широка родня —
 Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я,
 И живу средь людей один.
Как могила шамана, я
Одинок — вся правда моя!

1889

**Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!**

**Когда тоскую по тебе,
Мне слезы затмевают свет.**

**Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет.**

**Одной тебе моя любовь,
Твой образ — он давно воспет.**

**И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;**

**Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;**

**И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет**

**Не смогут остудить во мне
Твоей красы горящей след.**

**На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,**

**Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;**

**В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них**

И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.

Гобой насытиться нельзя,—
Рукою по шелкам скользя.

Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.

Мы — вместе... Юрта нам мала...
Но ты не здесь, ты не пришла...

И все ж я — сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе — ни жадности, ни зла;
И горделива, и смела,

Ты час от часу ближе мне,
Ты мне все более мила.

Приди, приблизь свиданья час.
О мой фазан, позволь хоть раз

Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу,—
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне;
Слова горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,
Не увлекай, не унижай,
К себе в насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави,—
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, джигит,
Почувствуй сердцем и душой...

Пусть каждый юный и седой
Запомнит мой ответ простой,
И сложит песню и зажжет
Сердца джигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких ухом, сердцем и душой,
Для молодых я свой рождаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я влагаю стих.

Ко мне дорогой приходи прямой.
Все то, что скрыто, стих раскроет мой –
Не сразу ты воспримешь, может быть,
Слова такие слышишь ты впервой.
Как странно мне, что люди, не поняв,
Немедля речи требуют другой.

Али-азрету не слагаю гимн,
Красавиц с подбородком золотым
Я не пою; я к смерти не зову,
Не говорю джигитам молодым,
Чтоб совестью они пренебрегли, —
Прошу: прислушайтесь к словам моим!

Родятся из барымтачей лгуны,
Бездельники рождаются, болтуны
Без разума, без дома, без скота;
Все знают их, и всем они видны.
Навек замолкни лучше ты, мой стих,
Когда тобой они восхищены.

Тебя молю, о песнопевец-брат,
Пускай слова пустые не прельстят
Твоей души. Что пользы в них тебе?
Твой дар исчезнет, не вернешь назад.
Что в людях доброго, скажи, таких,
Как бабник, и хвастун, и верхогляд?

1889

Но твой разум чист, словно пласт ледяной.
И в послушном сердце — кипучий зной.
Твердую мысль и пылкую страсть
И сила ты обуздая лишь волей одной.

Только тот, кто сердце и разум скует
На преклонной воле — достигнет высот.
Ты свойства не стоят врозь ни гроша,
И любовь из них тебя не спасет.

Что без воли и страсти сила ума?
И разумному сердцу — и в полдень тьма.
В шорохе трюх сумей сочетать,
Твой мудрости учит нас жизнь сама!

Где?

Где стойкий друг народа?
Исчезла верность слову.
Кто честен — нет им хода,
Коварство, сплетни, ковы...

Заслугам нет признанья.
Споткнулся — нет прощенья.
Держись на расстоянии.
Не знай ни с кем общенья.

Над всем царит нажива,
Тщеславы нет предела.
Все в болтовне хвастливой
Себе находят дело.

Наглеет враг лукавый,
Изменой друг изводит,
В догадках — кто же правый?—
Народ всю жизнь проводит.

Но честных и отважных
Узнает всякий сразу.
Лишь не узнать продажных
Пройдоху и пролазу.

1889

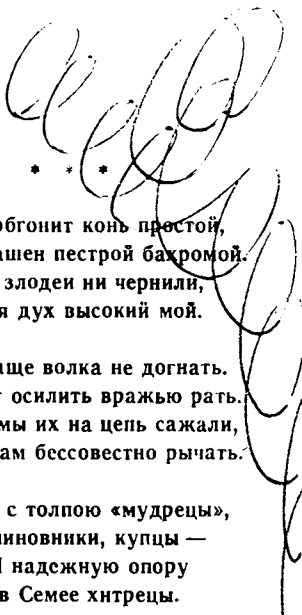
* * *

Синют в небе солнце и луна.
Моя душа печальная темна:
Мне в жизни не найти другой любимой,
Хоть лучшего, чем я, себе найдет она.

И пусть любимая, забыв любви слова,
К моей тоске и верности мертва,
Унизи, оскорбит меня без сожаленья —
И же стерплю — моя любовь жива...

1889

* * *

Гушара не обгонит конь престою,
Будь он украшен пестрой бахромой.
Как бы меня злодеи ни чернили,
Не омрачится дух высокий мой.

Собакам в чаще волка не догнать.
Поможет бог осилить вражью рать.
Хотя не раз мы их на цепь сажали,
Привычно псам бессовестно рычать.

Безумствуют с толпою «мудрецы»,
Клеветники-чиновники, купцы —
Друзья их. И надежную опору
Хотят найти в Семее хитрецы.

Дорогой долгой жизнь водила.
Осталось лишь одно — могила.
Но мой язык — еще мой друг,
Мои слова, что зной без мух,
Но слушатель мой слишком глух —
Судьба такими наделила!

И вот я дожил до седин,
Я плел слова — о том, об этом.
Но есть ли в мире хоть один,
Кто б внял моим благим советам?
Я шел путями бытия,
С не звездами боролся я,
И вот я вышел на вершину...
Так бег прерви и на лету
Не втискивайся в тесноту,
Свой шаг умерь наполовину!

Чтоб скорбь на плечи не легла,
Чтобы в тупик не завела,
Душа, должна ты встрепенуться.
И, как птенец, на свет взглянуть,
И крыльями легко взмахнуть,
И снова — ввысь, и снова — в путь.
Тебе бы к небу дотянуться!

Как сердцу горе перенести?
В тяжелом сердце слов не счесть.
Пусть слушает, в ком сердце есть!
Душа все выплакать готова.
Уже печали вызрел плод,
Огонь в груди шумит, и вот —
Оно зашевелилось, слово.

И не жди не счесть, а ты один,
И не жди ты не господин.
С бессовестными как общаться?
На обочье заглавства зуд,
И зло творит, и ложь несут.
И страх прошел: безмолвен суд,
И душой нечего бояться!

Грунций к рукам прибрать?— Едва ль!
Покинуть родину мне жаль,
Но душу гложет мне печаль,
И гнет, гнет к высям горным.
Создатель был ко мне суров,
Всю жизнь терплю от подлецов,
И одиноч в дому отцов.
Так, значит, надо быть покорным!

И на шаг гордо — человек.
Но слава не придет вовек,
Народом пущен конь молвы,
Несется он стремглав, как птица.
И толпу стремишься ты?— Увы!
И толпу не должен ты стремиться.
На дома у себя сиди,
Но нет, создатель наш, прости!
И не могу в дому зарыться.

Допустим, у тебя жема,
И видишь ты: она грешна.
Твоя душа не смущена?
И знаешь ты, на что решиться?
А жить трудней день ото дня...
Такое же и у меня
С мнением: мучает и — длится.

1990

О любви, душа, молишь вновь,
Не унять смятенье твое —
Так желанна сердцу любовь,
Так желанна отравя ее!

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнем души не властна.
Лишь любовь — твой верный оплот
Лишь с тобой угаснет она.

А того, кто жил не любя,
Человеком назвать нельзя.
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Все же есть семья и друзья.

Довелось бы брести впотьмах,
Если б дружбы не вспыхнул свет.
Слава — тлен и богатство — прах,
Если верного друга нет.

1890

Возвещают в порою шумит тополя!
 Аж ветер, не точкою пылью пыля.
 В облаках блистает солнцем степным,
 Словно мать и отец, риди наша земля.

На полях и в долине поет молодежь,
 Фигуры в юртах ищи — не найдешь:
 Не от смертного дождя могли б их поднять
 Полюсь солнце и ветер, и птичий галдеж.

На кочевьях кочевье дулы сошлись,
 И вновь радости родственники обнялись,
 А знакомые просто, шуги и смеясь,
 И все воем толковать по душам принялись.

И рываюлька верблюдица громко зовет,
 Бельмо овцы, в кустах птичий гомон встает,
 Мотыльки над травой и в ветвях тополей,
 Вязями вишнями в светлое зеркало вод.

Как много птицы! В любом озерке и пруду
 Гривы соколу и лебедь пойдет в высоту.
 Как только смотришь, как спущенный сокол ручной
 Из волн облака лебедя бьет на лету.
 Когда обращаешься — девушка крикнет: «Постой,
 Покази, что добыл, молодой, холостой!»

И в ямушки лучший надели убор,
 И в долине в гольянах, как пестрый ковер,
 И в низинах гремят соловьи,
 И кукушки зарей отзываются с гор.

И в верблюдах товары привозит купец,
 И в овец двоятся отары овец;

Тяжек труд земледельческий — вспашка, посев,
Но земля им сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солищем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей.
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озерах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звезды, большая луна,
Как же им не гореть, если полночь темна?
Но померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи звезд золотых

И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой повитый закатом шатер золотой.

1890

И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать...

Так мы страсть узнаем:
Встреч влюбленные ждут
Но, оставшись вдвоем,
Нужных слов не найдут.

На свидание к ней
С дрожью в сердце идет,
Легкий шелест ветвей
Другу весть подает.

В сердце трепет и страх,
В пальцах холод, ледок...
Жар — то весь на щеках,
То незримо глубок.

Жжет плечо, а меж тем
Пред глазами туман.
Кто целуется — нем,
Кто целуется — пьян.

Их скрывает листва,
Сверху полночь глядит.
И лепечет едва
Та, с кем рядом джигит.

Только б чуял плечом,
Только был бы любим...
И блаженство лучом
Их пронзает своим.

Кончив с робостью спор,
Пышут жаром тела,
И растроганный взор
Застит влажная мгла.

Глубь суждений, цвет слов,
Чтоб вы сделали тут?
Вас под пламенный кров
Не зовут, не зовут!

1891

Ты — зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.

И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, средь живых
Не встречал я такой!»

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши
Говорю от души,
Иль самой невдомек!
Дивный день предреши.

Ты поймешь до конца,
Что палит нам сердца.
Взор твой скрыт, скромн вид,
Но горяч жар лица.

Холодна ты вполне
И к другим и ко мне.
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!

Яркий рот — сладкий мед,
Блеск зубов — словно дед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть дотла сердце сжег
Взор, что чист и глубок.
Страсти раб, я ослаб,
От любви занемог.

Ты грустна — даль темна.
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна.

То гневна, то нежна...
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя,
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат —
Зоревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят.

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Знает млад, знает стар:
Красота — божий дар.
Нам пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены,
Сердцу ты, только ты,
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет —
Страсть сильнее закипит.

Кто не смел — не джигит.
Злая страсть нас томит,
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

С невеждами не знался, не братался,
Глупцами их назвал и заклеил.
Перекроить весь мир намеревался—
Свои я силы переоценил.

Не находил я друга в трудном деле,—
В борьбе с глупцами горько было мне:
Мои призывы в пустоту летели,
А сверстники стояли в стороне.

Невыносима равнодушья сила,
И отчужденья тягостен мне взгляд.
Потянешься к друзьям — не тут-то было:
Артачатся и пятятся назад.

Один поддакнет и промчится мимо,
Другой махнет беспечною рукой,
А сил все меньше. Все неутомимей,
Все крепче старость тянет на покой.

Как кляча, я устал в дороге долгой,
Я гость своих детей, своей жены.
И вижу я, никем не сбитый с толку:
Все тот же он, народ моей страны.

Не болен я — печален я, однако
Задуматься над этим стоит, брат.
Куда ни погляжу я — козни, драка
За почести, и сплетни, и разврат.
Погоня за чинами, барымта.
Везде борьба за славу, за места.

Толпа плутов, хлыщей и казнокрадев
Проводит в буйном пьянстве ночи, дни.

А истинная дружба,— «Что за радость?
Какая скука!» — говорят они.
А между тем обман и воровство —
Достоинство иль более того.

О, знал бы ты, как мне противно это.
И я устал, и ты устанешь, брат.
Весь век свой старец призывает к свету,—
Никто не внимлет,— он не виноват.

1891

Что ты ищешь, моя душа?
Молви правду хотя бы раз!
Ты тревожишь меня, спеша,
Потолкуем с глазу на глаз.

Гордецу похвалы рекой
Льет изменчивая толпа.
Мало проку в славе такой,
Коль глуха она и слепа.

Разве встретит мудрец привет
У того, кто чести лишен?
Там, где крохи совести нет,
Льстивый вздор лишь услышит он.

Затхлым запахом сточных вод
Мысли наши поганит лесть.
Ты, найдя правдивый народ,
Должен всем его предпочесть!

Здесь продажны слово и вздох,
Покупать же их не с руки —
Восхваленья лживых пройдох,
Что, кружась, жужжат, как волчки.

Лестью грубую тешить слух
До предела постыло мне!
Нет, не сыщешь любви у шлюх,
Где не страсть, а деньги в цене.

Я не раб дешевой хвалы,
Пусть я буду славой забыт!

Люди часто пусты и злы,
Смерть излечит от всех обид.

Ведь земная жизнь, как волна!
Мимолетно бежит она,
Хороша она иль дурна —
Все равно отравы полна.

1892

* * *

Сердце, полно тебе колотиться,
От насмешек людских не уйдешь.
Разве ты не смогло убедиться,
Что везде лицемерье и ложь?

Горевал сиротливый ягненок,
Успокоился, щиплет траву.
Только сердце — тревожный ребенок —
Не утихнет, покамест живу...

Где найдет оно сердце другое?
Как поверит в него до конца?
Жизнь без смысла, добра и покоя —
То не жизнь, а затея глупца.

Говорил ты, что дружба, как бремя,
Сети хитрости плел в тишине.
Но хитрец не хитрец, чем время:
Что ж ты ныне явился ко мне?..

1892

Холод, жар... Молод, стар,—
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть.

Ясный свет юных лет,
Вера в жизнь и мечту,—
С чем сравнить вешний цвет,
Юных лет красоту!

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!»
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них, где они!»

Эти дни для тебя —
Смутный сон, жалкий бред.
О былом, прожитом
Толковать смысла нет.

Слов живых не дано.
Ты весь век жил гемно
И чужих слов живых
Не поймешь все равно.

1893

Благо мигом унесло,
Долговечно только зло.

Не ретив надежды конь.
Не угас ли в нем огонь?

Горячишь его, да, глядь,
Все ж тоски не обогнать.

Встретишь горе, а оно
Не приходит к нам одно.

Всех докучным стариком
Навестит оно кругом.

Если туча не уйдет,
Не заблещет небосвод.

Если скорбь не ляжет спать,
Сердцу ото сна не встать.

Коль печали не вкусить,
Смеха нам не угасить.

Кто все стерпит, будет он
Горем тяжким не пленен.

Коли горе нас найдет,
То к беде нас поведет,

И гора невзгод, губя,
Тут же сокрушит тебя.

Слабый чужд тебе: он хил,
Он беспомощен, уныл.

И подобный человек
Будет изводить весь век.

Надоела мне, ей-ей,
Вся толпа «богатырей!»

1893

Как сберутся на совет —
Мирная беседа.
Разойдутся — так сосед
Очернит соседа!

Слово хочет кто сдержать,
Пустьят вмиг по миру,
Чтоб при этом поддержать
Ловкого проныру.

Если с этой силой ты
Вздумаешь бороться,
Брось напрасные мечты —
Сладить не придется.

Одурачен наш народ,—
Каждому понятно,
Если бий добро берет,
Не вернет обратно.

За барана твоего
Он козленка всучит,
А не выйдет по его,
Он тебя замучит.

Бий не спорит с богачом,
С ним нельзя судиться —
Ему правда нипочем,
Лишь бы поживиться!

С ним судиться захотел —
Будешь сам в ответе...
Ах, печален наш удел,
Правды нет на свете!

Так народ наш обошли,
Скручен он врагами
И не чувствует земли,
Бедный, под ногами.

И средь мелочной грызни,
Крупного разбоя
Протекают наши дни —
Нет для нас покоя!

1894

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив — гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий видит путь,
Догоняющий вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живет.
Доброты же и правды нет,—
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи, смотри —
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери!

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти;
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей,—
И тогда не погибнет труд:
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно в земле, прорастут.

1894

Природа смертна, вечен человек,
Он умер или нет — не кончен век.
Я разлучен был с Нею. О разлуке
«Все это смерть»,— один невежда рек.

Над нами широки судьбы права.
Мы часто в жизни держимся едва.
Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?

Кто не полюбит жизни быстрину?
Ты хочешь видеть море — зри волну.
Себя ты не познаешь, друг мой, если
Ты не постигнешь мысли глубину.

Кто смерть хулил, тот жизни пел хвалу.
Я крайностей судьбою не слышу.
Кто жизни рад и равнодушен к смерти,
Того я жизнестойким не зову.

1895

На двадцать седьмом году
Мудрый мой Абдрахман угас.
Люди добрые, где найду
Столь достойного среди нас?!

Он богатство не ставил в грош,
Теплотой сердечной богат,
Презирал кичливость и ложь,
К цели шел, не страшась преград.

Был в ученье неутомим,
Скакуну-тулпару под стать,
Безучастный к делам мирским,
Мирозданье хотел познать.

Люди добрые, для чего
Долголетие тем, кто слеп,
Кто не хочет знать ничего,
Чья душа, как могильный склеп?!

Был мой сын умен и учен.
Рано бросил он Петербург,
Понимая, что обречен,
Но от нас утаил недуг.

То ли в шутку, то ли всерьез
«Краток век мой»,— скажет при всех,
А заметит хоть признак слез,
Так поднимет тотчас на смех.

Он за век свой краткий постиг,
Что иной — за сотню годов:
Изучил он множество книг,
Видел множество городов.

На Кавказе был и в Крыму,
Посетил Сибирь, Туркестан.
Все давало пищу уму,
Жаден к знанию был Абдрахман.

Светел был его краткий путь,
Как полет звезды в звездопад.
Можно ль в чем его упрекнуть?!
Все, кто знали его, скорбят.

Непоклончив, дерзостно смел,
Принял он от судьбы приговор,
Смерти прямо в глаза глядел,
Не потупил пред нею взор.

А о том, что нам, старикам,
И жене не вернул он долг,
На бумаге поведал сам
Перед тем, как навек умолк.

Он, что опытом и умом
Равен старцу был, мудрецу,
Уходя скорбил лишь о том,
Что не стал опорой отцу.

Он был вестник нового дня,
Завершаю я прошлый век...
Тяжела утрата моя!
Больно!.. Старый я человек...

Горем сломлен я пополам.
Слезы горькие лью ручьем,
Будто кто меня по глазам
Что есть мочи хлестнул бичом.

1895

Магиш, родная, не плачь,
Будь в грозном горе сильна,
Иначе смертельная боль
Отравит сердце до дна.
Увял твой алый цветок,
Душа от скорби темна.
Ах, рано ль, поздно ли — всем
Такая мука дана.
В разлуке с другом души
Одна ль ты? Нет, не одна
Родная, нас пожалей —
И наша доля грустна.
Ты помни общий удел:
Рожденным смерть суждена.
Велик ли ты или мал,
Сравниет смерть имена.
Последний час наш пробьет —
И оглушит тишина.
Кто сможет смерть превозмочь!
Она над нами властна.
В повиновенье у ней
Весь мир на все времена.
Я знаю, знаю, Магиш,
Он светел был, как весна.
Но тщетны слезы твои,
Ты воскресить не вольна.
Час пробил, песнь замерла,
И вновь не дрогнет струна.
Где ж день, что нынче сиял?
И тень его не видна!
Каким на свете цветам
Краса надолго верна?
Изменчив он, этот мир,

Что озаряет луна!
Тоске покорный — погиб,
Темна ее глубина.
И ты слезами, Магиш,
Печали не утолишь.
Твой сокол к солнцу взлетел,
Ему земля не нужна.
Из всех детей моих, смерть,
Ты лучшего избрала.
О, тяжело мне, тяжело мне
Среди любимых моих!
Не плачь, Магиш, пощади
Отца, и мать, и родных.
Судьбы нам не одолеть.
Будь сильной силой живых.
Душа страданьем пьяна,
Утрата столь велика.
Друг другу надо помочь.
Я стал бедней бедняка,
Меня сгибает тоска.
Опоры ищет рука,
А где она, где она?!
Лишь горечь сердцу близка.
Ему отрады не знать.
Мне наша скорбь тяжела,
Мой сын не встанет от сна.
Мне трудно стало с людьми.
Навеки я одинок.
Магиш, родная, пойми!

1896

Стяжателю одно лишь тешит душу — скот,
И не стыдится он обманывать народ.
Позорный раб своей наживы, он трясется,
Когда к его столу бездомный подойдет.

Зачем свои стада он множит без конца?
Чтоб зависть низкую вселить во все сердца.
Сам грязная свинья, других считает псами,
За кость готовыми служить у подлеца.

Ум, честность в наши дни не слишком ценный клад,
Владельцам их они богатства не сулят.
Крупинки золота ищи в навозной куче,
Весь изваляйся в ней, коль хочешь быть богат.

Прочтя мои слова, обдумай их в тиши!
Награда нам за труд милей, чем барыши.
Корысть позорит нас, нельзя прожить достойно
Без светлого ума, без пламенной души.

1896

Чужим я чувствую себя среди стариков,
Не нахожу с детьми своими общих слов,
От сверстников, хотя б они родными были,
За тридевять земель я убежать готов.

Обилья прежнего ни в чем давно уж нст,
Блуждаю, в рубище унылое одет,
Все стало мне безвкусным — сон и пиша,
И головую я и бородою сед.

Тому, кто юн, страшна угроза клеветы.
А ты, утративший все юные мечты,
Старик, ворчун, двора чужого дряхлый сторож,
Ты выжил из ума, кому же нужен ты?

1896

Грядущее скрыто туманом от нас,
Надежды лучом озаряясь подчас.
Ты смотришь в упор: время гонит часы,
Безлики они — не порадуют глаз.

Подобно минувшим, грядущие дни
Приходят, уходят, друг другу сродни.
Меж них и тебе предназначенный срок.
Аллаху лишь зрима судьба искони.

«Я»,—разум промолвит. Плоть скажет: «Мое!»
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «я» никогда не умрет.
«Мое» — это только земное жилие.

Зачем же моим ты так жадно живешь?
Сладка тебе плотская краткая дрожь.
Добро, справедливость — вот наши друзья.
Могильный порог с ними перешагнешь.

Ты можешь за золото душу продать,
Грехом замутишь безупречную гладь,
Но жизнь твою радость похитит, поверь,
Коварнее жизни не сможешь ты стать.

Напрасно своим мыслит мир человек.
«Мое» — это капля воды среди рек.
Подумай: что плоть и земное добро,
Коль дух оторвется от тела навек?!

Беспомощных лучше желей и сирот,
Деяний твоих не испортится плод;
О людях заботился даже творец,
Полюбит тебя он, коль любишь народ.

**Но помни: толпа и народ — не одно.
Есть люди и волки — уж так суждено.
Так будь справедливым, как истинный муж,
Коль сердце твое милосердья полно.**

**Всем смертным удача и благо нужны,
Но зло от добра отделить мы должны:
Пройдохи с невеждами сядут на мель,
Лишь вера и правда — на гребне волны.**

1897

Восторженной хвале голпы
 Не верь — то лесть!
Не дай двуликим хитрецам
 Себя оплесть...
Верь лишь себе и знай: твой ум,
 Твой честный труд —
Вот тот оплот, где для тебя
 Спасенье есть.

Глупцом доверчивым вовек
 Не будь с людьми.
Страстей и славословья жар
 В груди уйми.
Пленяясь ветреной молвой,
 Ты лжешь себе...
Попытки марево обнять —
 Лишь блажь, пойми!

Обрушилось ли горе вдруг —
 Противостой!
Процвел ли миг — пренебреги,
 То цвет пустой!
В глубь сердца своего уйдя,
 Храни, лелей
Сокровище, что обретешь
 Ты в глуби той.

1897

Разрознен мой родной народ,
Расколот, разобщен.
Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон.

Я всем всегда помочь был рад.
В моих глазах равны
Бывали все: и стар и млад,
И бедность и чины.

С людьми делил я все, что есть...
Что ж отнял я у вас,
Чтобы мою позорить честь
Бесстыдно всякий раз?

Народу отдал я любовь —
Что ж с злобой палача
Вы раните мне сердце в кровь,
В грязи его топча?

Клевещете на всю семью...
Отнять покой, мечты,
Отнять мой дом, жену мою —
Цель вашей клеветы.

Довольно! Не вобьете клин!
Оставьте лживый суд!
Не меряйте на свой аршин —
И так мне душно тут!

Ваш клеветнический язык
Еще гнуснее дел.
Таил я возмущенный крик,
Но есть всему предел.

1898

Все слабее и все глуше сердца бой,
Тесно сердцу день и ночь в груди больной.
Вдруг прихлынет кровь горячая к нему,
Сон тревожен в непроглядной тьме ночной.

Беззаботность смял недуг; не счесть утрат.
Мысль немую скорби тяжкие томят.
Пустобрехов скудоумных увидав,
С отвращеньем отворачиваю взгляд.

Жаждет сердце отошедших дней былых,
Настоящим шлет проклятье; то на миг
Пожелает вдруг спокойствия оно,
То, отчаясь, ищет вновь мучений злых.

То склонится вдруг к слезам, полно тоской,
О недугах помышляет день-деньской;
То их прячет глубоко на дне своем,
Страх питая пред насмешкою людской.

Все слабее и все глуше сердца стук,
Затаилось и скрывает свой недуг,—
То прихлынет кровь горячая к нему,
То, улегшись, на мгновенье смолкнет вдруг.

1898

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, о пыл стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он темен еще для них.

1898

Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий — девушкой немой?
Бездушным льдом — пылающее сердце,
Что за любовь боролось с жизнью злой?..

Не станет ли последним этот год?
Ведь рано ль — поздно, а мой час пробьет!
И станешь ли судить меня, потомок,
За каждый мой нечаянный просчет?!

Суди!.. Меж нами — немоты стена.
Суди, но помни: пусть страшна вина —
За грех один карать не нужно дважды,
А я, живой, за все платил сполна!

Души измученной постигни сугь!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я — человек с загадкой, помни это!
Боролся с тьмой, как мог... Не обессудь!

Задирую в земной явившись дол,
Порой хитрил я, был порою зол.
Прозрел с годами, сделался разумней,
Но все ж до совершенства не дошел.

Мешали мне... Никто мне не помог.
Свободы я не знал... Спаси вас бог
От этой доли... Пожалей, потомок,
Того, кто скорбен был и одиноко!

Мое довольство — призрачно оно.
Как горько мне, что мало свершено!..
Но каяться в стихах — не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано.

1898

Если мысль за волею вслед
Оскудеет в сердце пустом,
Ты, утратив разума свет,
Станешь тварью, темным скотом.

Мой безвольный разум, скользя
По верхам, нейдет в глубину.
И душа устала, друзья!
Одряхлел я, тянет ко сну...

Коль смиришь ты жадную плоть,—
Жаль ее, беднягу, тебе.
А не сможешь плоть побороть,
Одолееет она в борьбе.

Ведь у тварей душа темна,
И не знают мыслей скоты.
Вовсе красок жизнь лишена,
Если вглубь не стремишься ты.

Человеком назваться я
Не могу, окруженный тьмой.
Как найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

1898

Все слабее и все глуше сердца бьѣ,
Тесно сердцу день и ночь в груди больной.
Вдруг прихлынет кровь горячая к нему,
Сон тревожен в непроглядной тьме ночной.

Беззаботность смял недуг; не счесть утрат.
Мысль немую скорби тяжкие томят.
Пустобрехов скудоумных увидав,
С отвращеньем отворачиваю взгляд.

Жаждет сердце отошедших дней былых,
Настоящим шлет проклятье; то на миг
Пожелает вдруг спокойствия оно,
То, отчаясь, ищет вновь мучений злых.

То склонится вдруг к слезам, полно тоской,
О недугах помышляет день-деньской;
То их прячет глубоко на дне своем,
Страх питая пред насмешкою людской.

Все слабее и все глуше сердца стук,
Затаилось и скрывает свой недуг,—
То прихлынет кровь горячая к нему,
То, улегшись, на мгновенье смолкнет вдруг.

1898

* * *

Собаку я выкормил из щенка —
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка —
И сам мишенью стал!

1899

* * *

Рос ты, к небу устремляясь головой,
Гордо, смело, без печали роковой.
Так весною к солнцу тянутся ростки,
Когда степи покрываются травой.

Отшумел давно суровых лет поток,
Наступил уже косьбы и жатвы срок.
Знало сердце зной и холод, но оно
Устояло пред лицом утрат, тревог.

От тревоги неустанно ноет грудь,
На лице твоём — тоски и горя путь.
Как пшеницу, чьи колосья налились,
Замышляют и тебя к земле пригнуть.

Не сдаётся обреченная душа,
Будто вечно жить ей в мире, но, спеша,
Смерть приходит, похищает душу вмиг.
Сам подумай ты — где жизнь и где душа?

Нынче — дышишь, завтра — прах, таков закон.
Нашей жизни блеск обманчив, словно сон.
Разве знаешь, где назавтра будешь ты?
Помни, друг мой, что для смерти ты рожден!

1899

Одинокое, не ищи,
Сердце, отклика на пути!
Мысль моя, не странствуй, молчи,
Коль пристанища не найти.

Чувство высказанное — ложь,
Безответен души призыв.
Так куда же ты, сердце, влечешь,
От всего меня отлучив?

Счастье, дружба, любовь, покой,—
Оценила вас жизнь в гроши;
Ими платят беде людской
Лицемерные торгаши.

Суд народа для них — безмен,
Чтобы взвесить хулу и лесть,—
Мастера в ремесле измен,
Позабывшие стыд и честь!

С кем тоску свою разделить,
Если дружба не ко двору?
Чьим сочувствием утолить
Одиночество и хандру?

Всюду подлость одна и та ж:
Пожалсешь кого, а тот
Деньги станет клянить; не дашь —
На тебя же сердясь, уйдет.

Но войти продажным словам
В сердце искреннее — не возмогь.

Льстивый плут ни себе, ни вам,
Никому не в силах помочь.

Ты бесплодным горишь огнем,
Горевая душа моя!
Это пламя — что толку в нем?..
Где любовь твоя, где друзья?

1900

Когда все тени, удлинясь,
Сливаются в одну
И солнце покидает нас,
Чтоб отойти ко сну,

Я с сумерками говорю,
Раздумием томим,
Жизнь горемычную свою
Рассказываю им.

Тропинка узкая ведет
В долину прошлых лет:
Куда ни гляну — гнет забот,
Утраты, сотни бед...

Что ни припомню — все подряд
Мне причиняет боль,
Все в душу мне вливает яд,
На раны сыплет соль.

И, как заброшенный щенок,
Душа моя скулит.
Когда б хоть миг я вспомнить мог,
Чтоб не было обид!

Казалось, добрым был посев,
А что в полях взошло!..
Век доживаю. оскудев,
И пожинаю зло.

1900

Я надеялся — листья надежды желты.
Я так долго мечтал — обманули мечты.
Сердцу тяжело, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты.

То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я, от светлой мечты отрешен.
Погляди на себя: есть ли сила в руках,
В сердце — жар и лицо разрумянил ли он?

Как миражам степным, людям верить нельзя.
Мир и правда чужды им: друг другу грозя,
Лгут, лукавят; заемные мысли у них.
Поступайте, как сердце велит вам, друзья!

1901

Веселья легкая вода,
Пустая молодость — беда.
Ты лучше разумом попробуй
Познать, где дружба, где вражда.

Что славным у людей слывет,
Тебя не слишком пусть влечет.
Не торопись, мой друг, работа —
Она предмет твоих забот.

Души богатства береги,
Всего, что дешево,— беги,
А скромность — истинный хозяин,
Он душу не введет в долги.

Не будь ко всем доверчив сплошь,
От зоркости ты не умрешь,
Не то и стариком согбенным,
Где враг, где друг,— не разберешь.

Хапуга на объятъя скор,
Всегда он там, где шум и спор.
Мой друг, ты разве сам не видишь,
Что под конец он нищ, как вор.

1901

• • •

Твой язык богат,
И слова звучат,
Трогая людей.
Слыша речь других,
Ты поправишь их,
Скажешь — как верней.

И в отчаянье
Не впадет душа,
Горе пережив...
Верности ишу!
Дружба хороша,
Если друг правдив.

1901

• • •

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят —
И они назад не летят.

Людам всем дана, всем подряд,
Черета удач и утрат,
Что всегда сомнсьнем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех — стар иль млад.
Бремя злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад.
Срок придет, и ты смертью взят.

1902

Не тревожь меня домброй,
Не волнуй, не мучь меня.
Все вокруг покрыто мглой.
Я в слезах не вижу дня.

В горестях душа по край,
Если вспомню жизнь мою.
Новой мукой не терзай —
Об одном лишь я молю.

Дорогая, добрый друг,
Улыбаясь, успокой
Горемыки злой недуг —
Разлучи меня с тоской.

Лаской, нежностью своей
И участием дорогим
Потуши пожар скорей,
По душам поговорим.

Старая печаль уйдет,
И душа, озарена,
Заиграет, запоет,
Звуками исцелена.

В суете день ото дня,
Я устал, как от байги.
Пожалей же ты меня
И воспрянуть помоги!

«Пока не знаешь — молчи...» Перевод М. Петровых	5
«Вот и старость...» Перевод Д. Бродского	8
«Измучен, обманут я всеми вокруг...» Перевод П. Карабана	10
Лето. Перевод А. Жовтиса	12
«Джигиты, дорог смех, не шутовство...» Перевод А. Гатова	14
✓ «Поэзия — властитель языка...» Перевод В. Звягинцевой	18
Осень. Перевод А. Гатова	21
Зима. Перевод Вс. Рождественского	22
«Тихой ночью при луне...» Перевод Ю. Нейман	23
«Нет жизни у меня в груди...» Перевод А. Гатова	24
«Да будет слово мудреца...» Перевод П. Карабана	25
Восьмистишия. Перевод Л. Озерова	27
«Шлю, тонкобровая, привет!» Перевод П. Шубина	34
«Своим письмом к себе маня...» Перевод П. Шубина	36
«Не для забавы...» Перевод Д. Бродского	38
«Острый разум чист, словно пласт ледяной...» Перевод А. Штейнберга	39
«Где стойкий друг народа...» Перевод П. Карабана	40
«Сияют в небе солнце и луна...»	41
«Тулпара не обгонит конь простой...» Перевод М. Замаховской	—
«Дорогой долгой жизнь водила...» Перевод Л. Озерова	42
✓ «О любви, душа, молишь вновь...» Перевод М. Петровых	44
Весна. Перевод П. Шубина	45
✓ «И краснеть, и бледнеть...» Перевод М. Тарловского	48
«Ты — зрачок глаз моих...» Перевод М. Петровых	50
«С невеждами не знался, не братался...» Перевод Л. Озерова	53
«Что ты ищешь, моя душа?» Перевод А. Штейнберга	55
✓ «Сердце, полно тебе колотиться...» Перевод Л. Озерова	56
«Холод, жар... Молод, стар...» Перевод М. Петровых	57

«Благо мисом унесло...»	Перевод К. Липскерова	58
«Как сбрутся на совет...»	Перевод А. Арго	60
«Будь разборчив в пути своем...»	Перевод Вс. Рождественского	62
«Природа смертна, вечен человек...»	Перевод Л. Озерова	63
«На двадцать седьмом году...»	Перевод Ю. Нейман	64
«Машины, родная, не плачь...»	Перевод М. Петровых	66
«Стяжательно одно лишь тешит душу — скот...»	Перевод О. Румера	68
«Чужим я чувствую себя среди стариков...»	Перевод О. Румера	69
«Грядущее скрыто туманом от нас...»	Перевод В. Звягинцевой	70
«Восторженной хвале толпы...»	Перевод Л. Руст	72
«Разорзен мой родной народ...»	Перевод П. Карабана	73
«О порыв души огневой...»	Перевод Вс. Рождественского	74
«Когда умру, не стану ль я землей...»	Перевод Ю. Нейман	75
«Если мысль за волею вслед...»	Перевод А. Штейнберга	76
«Все слабее и все глуше сердца бой...»	Перевод Д. Бродского	77
«Собаку я выкормил из щенка...»	Перевод А. Жовтиса	78
«Рос ты, к небу устремляясь головой...»	Перевод Д. Бродского	—
«Одинокое, не ищи...»	Перевод А. Штейнберга	79
«Когда все тени, удлиняясь...»	Перевод Ю. Нейман	81
«Я надеялся — листья надежды желты...»	Перевод А. Гатова	82
«Веселья легкая вода...»	Перевод Л. Озерова	83
«Твой язык богат...»	Перевод А. Гатова	84
«Мотыльки, чей светел наряд...»	Перевод М. Петровых	—
«Не тревожь меня доброй...»	Перевод А. Гатова	85

АБАЯ

Лирика

Перевод с казахского

Составитель К. Бакбергенов

ИБ 924

Редактор *М. Кайсенова*. Художник *А. Рахманов*. Худ. ред. *Б. Акачаев*. Техн. ред. *Н. Кулцман*. Корректор *Т. Горпиненко*. Сдано в набор 18.02.80. Подписано к печати 15.05.80. Формат 70×90^{1/2}. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная П. л. 2,75 Усл. п. л. 3,2. Уч.-изд. л. 3,1. Тираж 50000 экз. Заказ № 706. Цена 30коп. Цена в суперобложке 35коп (1000 экз). Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480046, г. Алма-Ата, пр. Абая 143. Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.